

Эльмира Шабурова

**Травматолог
особого
назначения**

Эльмира Шабурова

Травматолог
специального назначения

«Автор»

2026

Шабурова Э.

Травматолог специального назначения / Э. Шабурова — «Автор»,
2026

Василий Васильевич Тимохин — опытный травматолог, который привык иметь дело с переломами и вывихами в обычной городской больнице. Но однажды утро, начавшееся как обычно, оборачивается для него настоящим кошмаром: после столкновения со странной старушкой и неудачного падения он оказывается в другом мире! Здесь есть черти и ангелы, ведьмы и джины, феи и драконы — и все они, кажется, ждут от Василия чего-то невероятного. Он случайно попадает в армию чертей, спасает раненого чёрта, отправляется ко двору хромого короля, обучается магии у занудной, но прекрасной феи Ироси, лечит королеву, сбегает от казни, одолевает дракона и даже становится объектом внимания скандальной принцессы. Сможет ли обычный врач найти своё место в мире, где правят магия и чудеса? И захочет ли он вообще возвращаться домой? Весёлое и динамичное фэнтези о том, как знания из реального мира могут перевернуть с ног на голову мир волшебный.

© Шабурова Э., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Утро, которое всё изменило	5
Глава 2. Падение в другой мир	13
Глава 3. Первый пациент	24
Глава 4. Назначение и отправление	31
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Травматолог специального назначения

Глава 1. Утро, которое всё изменило

Василий Васильевич Тимохин ненавидел ноябрь с остервенением человека, чья жизнь подчинена жесткому графику дежурств и планерок у главного врача. Не тот меланхоличный ноябрь из стихов Есенина, где «отговорила роща золотая», а реальный, отечественный — время года, когда небо провисает под тяжестью свинцовых туч, а асфальт окончательно сливается с грязью в единую субстанцию цвета отчаяния.

Пять сорок утра. Город спал тяжелым сном хронического алкоголика перед сдачей годового отчета. Фонари моргали в приступе коллективной депрессии, освещая тропинку между гаражным кооперативом «Мечта автолюбителя» и бетонным забором заброшенного кирпичного завода.

Тимохин бежал. Это была не спортивная трусца для здоровья, а специфический аллюр бюджетника: голова втянута в плечи, подбородок защищен от ветра жидкой бородкой клинышком, руки работают поршнями, дыхание вырывается густыми клубами пара. До районной больницы имени Семашко оставалось ровно два километра по прямой. Если считать крюк через промзону, куда без ОМОНа или хотя бы травматолога соваться было опасно для жизни, то все три. Но Василий знал короткий путь. Короткий и скользкий.

— Чтоб тебя! — просипел он, когда левая нога наехала на невидимую ледяную линзу. Мир совершил кульбит. Правое плечо встретилось со смерзшимся сугробом раньше, чем мозг успел осознать физику процесса. В голове пронеслась короткая клиническая мысль о компрессионном переломе копчика и грядущем позоре перед заведующим отделением Петром Игнатьевичем. Петр Игнатьевич был суров, пах формалином, валокордином и старыми газетами. Опоздание грозило лишением премии, а премия Василию была нужна отчаянно. У него перегорела спираль в чайнике «Тефаль», который помнил еще дефолт девяносто восьмого, а главный врач прозрачно намекал на внеочередную аттестацию, требующую нового костюма. Старый после инцидента с лопнувшими брюками при вправлении сложного вывиха бедра (не выдержала ткань) годился теперь только для покраски забора на даче покойной бабушки.

Василий перекатился, вскочил, отряхнул выдавший виды пуховик и прибавил ходу. Впереди замаячила фигура. Старушка. Классическая такая бабулька-городская партизанка, пережившая войну, перестройку, деноминацию и падение метеорита над Челябинском. Она стояла точно посреди тропинки, перегородив ее авоськой, из которой торчало горлышко трехлитровой банки с мутным рассолом, и клюкой. Деревянной, узловатой, отполированной тысячами рук до блеска эбонита. На голове старушки красовался пуховый платок, завязанный так туго, что уши наверняка сплелись узлом где-то на затылке.

«Лишь бы не заговорила, — взмолился мысленно Тимохин, начиная маневр уклонения. — Лишь бы не стала спрашивать, как пройти в библиотеку или почем нынче рубероид»

Он сделал ложное движение влево, потом резко ушел вправо, рассчитывая траекторию. Расстояние сокращалось. Три метра. Два. Полтора.

В этот момент мир снова совершил кульбит, но уже внутренний. Подошва правого ботинка предательски поехала вперед. Василий взмахнул руками, пытаясь поймать равновесие, понял, что физика сегодня против медицины, и всей своей восьмидесятикилограммовой тушкой, облаченной в зимнюю амуницию, рухнул прямо на старушку.

Удар получился глухим. Банка в авоське жалобно тренькнула. Клюка отлетела в сторону, воткнувшись в грязь с такой силой, словно собиралась пустить корни.

— Охти мне, грехи наши тяжкие! — выдохнула старушка голосом, похожим на скрип несмазанной телеги. Голос шел откуда-то из глубины грудной клетки, минуя связки. — Ты чего ж творишь, окаянный? Я ж хрупкая женщина преклонных годов!

Василий лежал на чем-то неожиданно мягком, но упругом, уткнувшись носом во влажную шерсть цигейкового воротника. Пахло нафталином, кислыми щами и почему-то озоном, как после хорошей июльской грозы.

— Бабуль... Простите великодушно... — прохрипел Тимохин, упираясь ладонями в землю и пытаясь приподняться. Колено прострелила тупая боль. — Скользко...

— Ему скользко! — возмутилась бабушка, энергично ворочаясь под ним. — А мне, думаешь, тут перина?! У меня радикулит с семьдесят третьего года! И мениск левого колена оперированный! Слезь с меня, аспид, пока я тебе твой собственный мениск через рот не вынула!

Василий поспешно скатился вбок, пачкая колени. Старушка села, охая и держась за поясницу. Лицо у нее было сморщенное, как печеное яблоко, глаза маленькие, черные и блестящие, как две смородины.

— Ноги-то свои подобрал бы, жердина! — прикрикнула она, заметив, что Василий сидит в раскоряку. — Развалился, понимаешь, барин.

Она потянулась за клюкой. Василий опередил ее. Он схватил узловатый посох, очистил его от ошметков грязи рукавом и протянул старушке.

— Держите, уважаемая. Вы уж извините, я нечаянно. Тороплюсь очень. Дежурство у меня.

Старушка подозрительно зыркнула на него снизу вверх, перехватила клюку, тяжело поднялась, опираясь на нее всем весом. Авоська осталась лежать в грязи. Банка чудом уцелела.

— Дежурство у него, — пробурчала она, отряхивая пальто. — Все вы торопитесь. Бегаєте туда-сюда, суетитесь, а толку? Смысл бытия постигли? Нет. Вот и бегаєте, как тараканы ошпаренные.

Василий начал медленно пятиться назад, готовый сорваться на бег. Время неумолимо тикало. Еще десять минут, и Петр Игнатьевич начнет смотреть на часы с прокурорским выражением лица.

— Так я пойду, пожалуй? — вежливо спросил он. — Всего доброго. Будьте осторожнее.

— Стой, — властно сказала старушка.

Василий замер. Инстинкты реаниматолога подсказывали, что просто так уйти не дадут. Такие бабули всегда знают больше, чем говорят, и обладают хваткой голодного бультерьера.

— Куда это ты собрался? — продолжала она, постукивая клюкой по земле. Ритм ударов напоминал азбуку Морзе, сообщающую всему району: «Здесь вершится правосудие». — Налетел, сбил с панталыку пожилого человека, банку моего фирменного маринованного ассорти чуть не разбил... Небось, думал, старая совсем, рассыплется?

— Что вы, ни в коем случае! — искренне выпалил Василий. — Вы вон какая... бодрая. Спортсменка, наверное, бывшая?

Бабка хмыкнула, отчего ее двойной подбородок затрясся мелкой дрожью.

— Лстец. Ладно, прощаю. За спасение утопающих в грязи — спасибо. Помощь ближнему своему — дело богоугодное. Беги, доктор. Только учти: карма — она штука липкая. Прилипнет — не отмоешься.

Это прозвучало двусмысленно, но времени на расшифровку метафор не было. Василий кивнул, выдавил самую лучезарную улыбку, на которую были способны мышцы лица в пять сорок утра, и развернулся.

— Провалиться тебе к чертям в пекло! — раздался ему в спину дребезжащий голос, полный искренней, почти профессиональной ненависти.

Василий споткнулся на ровном месте, но удержал равновесие. Оборачиваться было ниже его достоинства. Мало ли какие проклятия сейчас сыплются вслед уходящему поколению.

Наверное, поскользнулась опять, ногу подвернула. Ничего, до свадьбы заживет. Или до визита участкового терапевта.

Он перешел на легкий бег, стараясь беречь колено. Тропинка сделала поворот вокруг трансформаторной будки, увешанной табличками «Не влезай — убьет!» и странными символами, которые местные гопники принимали за руны вызова демонов дешевого портвейна.

Земля под ногами внезапно исчезла.

Это не было похоже на провал в открытый люк или трещину в асфальте. Асфальта здесь и так не было. Просто гравитация решила взять отгул. Василий летел вниз. Темнота была абсолютной, густой, осязаемой. Воздух стал плотным, горячим и пах сероводородом, жженым сахаром и мокрыми псынами.

Свободное падение длилось секунды три. Для человека, привыкшего оценивать травмы по шкале комы Глазго, эти три секунды показались вечностью. Он успел подумать, что если выживет, то уволится к чертовой матери, купит домик в деревне и будет разводить гусей. Потом подумал, что гусям нужен водоем, а рыть пруд сил нет. А потом он врезался во что-то твердое, плоское и невероятно горячее.

БУМ.

Сознание выключилось ровно на полторы секунды. Ровно столько, сколько нужно мозгу, чтобы сбросить критическую ошибку системы. Очнулся он от того, что кто-то настойчиво бил его по щекам. Причем бил профессионально, чередуя легкие шлепки с резкими нажатиями на болевые точки у основания челюсти.

— Эй, болезный! — прогремело над ухом. — Хорош придуливаться! У меня смена заканчивается через час, а мне тут статистику смертности портить нельзя! Открывай зенки, говорю!

Василий разлепил веки. Первым делом он увидел сапоги. Красные, лакированные, остроносые, с золотыми шпорами. Голенище доходило до колена. Затем взгляд пополз выше. Кожаные штаны в обтяжку, ярко-красная косоворотка, подпоясанная кушаком. На плечах — камзол из черного бархата, расшитый черепами, которые переливались в багровом свете.

Василий сел, ощупывая голову. Шишек не было. Зато джинсы на коленях зияли живописными дырами, сквозь которые виднелись ободранные в кровь ноги. Пуховик дымился.

Они находились на широкой площади, вымощенной красным кирпичом. Со всех сторон площадь окружали скалы из застывшей лавы. Над головой висело низкое, давящее небо цвета запекшейся крови, по которому лениво ползли облака пепла. В воздухе стоял гул, треск и отдаленные вопли, похожие на звук работы неисправного трансформатора. Жарко было невыносимо, градусов сорок пять по Цельсию, плюс влажность процентов сто. Идеальный климат для обострения пневмонии.

Прямо перед Василием стоял детина. Ростом под два метра, широкоплечий, с лицом, покрытым сажей и недельной щетиной. Из аккуратных рожек на лбу струился сизый дымок. В правой руке детина сжимал внушительных размеров трезубец, которым небрежно поигрывал, выписывая в воздухе восьмерки.

— Где я? — просипел Василий. Горло драло, будто он наглотался стекловаты.

— Сам как думаешь, Гиппократ недоделанный? — фыркнул детина, оглядывая Василия с головы до ног оценивающим взглядом мясника. — Приемный покой отделения общей терапии Преисподней. Поздравляю с прибытием. Путевка горящая, профсоюзная. От Петра Игнатьевича привет передать?

— Какая путевка? — Василий почувствовал, как внутри начинает подниматься холодная волна паники, свойственная врачам скорой помощи, когда они понимают, что пациент умирает, а лекарств нет. — Какой приемный покой? Меня машина сбила? Я ударился головой? Это кома? Сложная визуальная галлюцинация на фоне гипогликемии? У вас есть глюкометр?

Детина заржал. Смех его звучал как скрежет ржавого металла.

— Глюкометр... Ой, умора. Да у нас тут половина контингента с таким «глюкометром» прибывает, что диву даешься. Нет, лепила. Никакой машины. Была одна сухонькая бабушка. Аграфеной Прокофьевной представилась. Сказала, что ты ей на любимую мозоль наступил. Буквально. Ну и попросила местечко потеплее организовать. Мы люди гостеприимные, просьбы трудящихся выполняем. Особенно такие душевные. «Провалиться тебе к чертям в пекло!» — классика жанра. Формулировка юридически безупречная, печать поставлена, подпись кровью не требуется. Добро пожаловать домой, доктор.

До Василия начало доходить. Медленно, со скрипом, как ржавые шестеренки в голове пациента с болезнью Паркинсона. Бабка. Авоська. Рассол. Проклятие.

— Погоди, — он выставил вперед руку. — Это ошибка. Я же помог ей встать! Я извинился! Я даже палку подал! Это же... это нарушение техники безопасности! Нельзя отправлять в ад за бытовую неуклюжесть!

— Можно, — отрезал демон, шелкнув пальцами. Рядом материализовалась конторка, обычная деревянная стойка, какими пользуются регистраторы в районных поликлиниках. За ней сидел маленький бес-писарь с гусиным пером и огромной амбарной книгой. — У нас тут знаешь какой поток? Грешников — как пациентов в вашей больнице в период эпидемии гриппа. Ад переполнен. Мест нет. Приходится уплотнять. Тех, кто правила нарушает, мы сразу в котел. А таких, как ты... транзитных пассажиров... оформляем согласно регламенту. Имя, фамилия, дата рождения, ИНН, номер полиса ОМС?

— Тимохин Василий Васильевич, — машинально ответил врач. Профессиональные рефлексы сработали быстрее инстинкта самосохранения. — Двадцать второе августа тысяча девятьсот восемьдесят пятого. ИНН... полис дома остался. Послушайте, давайте решим вопрос миром. Я могу быть полезен. Я врач-травматолог! У вас тут работа вредная, производственный травматизм зашкаливает. Демоны спины срывают, черти ожоги третьей степени получают... Давайте я вам медпункт организую. Профсоюзную путевку в санаторий выбью. У меня связи в Минздраве остались... теоретические.

Демон с трезубцем перестал играть оружием и наклонился к Василию. От него пахло жареным мясом и дешевым одеколоном.

— Доктор, значит? — в красных глазах мелькнул профессиональный интерес. — Костей нам вправлять не надо, своих хватает, регенерация отличная. А вот экзорцизмом балуешься?

— Нет, — честно признался Василий. — Я больше по остеосинтезу. Аппарат Илизарова ставлю. Спицы ввожу.

Бес за конторкой вдруг поднял голову от книги.

— Таво, Люцик, — пропищал он тонким голоском. — Тут примечание мелким шрифтом. От Прокофьевны приписка: «Чтоб служба медом не казалась. Пусть там побегают, косточки разомнет, квалификацию подтвердит».

Люцик выпрямился и задумчиво почесал правый рог.

— Побегают, значит... Подтвердит... Это меняет дело.

— Что меняет? — похолодел Василий. — Какое подтверждение? Мне через час обход делать! У меня палата гнойной хирургии ждет! Там дед Семен трофическую язву расчесал до кости, сепсис начнется!

— Дед твой подождет, — равнодушно бросил демон. — У нас тут, мил человек, время течет иначе. Один ваш земной час — у нас тут стандартная двенадцатичасовая смена. Успеешь и набегаться, и напрыгаться. Значит так, слушай вводную. Ты поступаешь в распоряжение Четвертого легиона Младших Истязателей. Должность — внештатный консультант по биомеханике. Задача простая: объяснять грешникам, как именно им должно быть больно, чтобы страдание было эффективным. Понимаешь? Не просто огонь, а правильная эргономика огня. Угол наклона дыбы, коэффициент растяжения сухожилий... Чтобы клиент не вырубился раньше времени от болевого шока, а прочувствовал всю глубину своего падения. Творческая работа, интеллектуальная.

— Я людей лечу! — взвизгнул Василий, вскакивая на ноги. Ноги дрожали. — Я спасаю! Я давал клятву!

— Клятва недействительна ввиду смены юрисдикции, — парировал Люцик. — Теперь ты приносишь пользу обществу иным способом. Труд облагораживает. Марш на участок!

Он указал трезубцем в сторону огромного цеха, откуда доносились ритмичные удары молота и жалобные стоны.

— Никуда я не пойду! — Василий попятился. — Я буду жаловаться! В Гаагский трибунал! В ООН! Я вызову сюда адвоката!

Люцик вздохнул, как уставший заведующий отделением, беседующий с пьяным родственником больного.

— Эх, интеллигенция... Одно и то же каждый день. Хорошо. Есть альтернативный вариант. Стандартная процедура адаптации для новоприбывших специалистов. Экзамен. Проходишь — свободен. Валяй на все четыре стороны. Верхние Врата открыты для тех, кто доказал профпригодность. Не проходишь... сам понимаешь. Начнем с малого. Будем варить тебя в кипящем масле. Очень, знаешь ли, стимулирует память и желание сотрудничать.

— Варить?! — Василий почувствовал, как к горлу подкатывает тошнота. — Масло канцерогенно! Холестерин! Печень посадите!

— Согласен, масло — прошлый век, экология ни к черту, — кивнул демон. — Тогда идем на экзамен. Правила простые. Перед тобой портал. За порталом — коридор. Обычный больничный коридор. Типовой проект советских времен. Линолеум местами вздулся, стены крашены зеленой краской, запах хлорки и безнадежности. В конце коридора дверь. На ней написано «Ординаторская». Зайдешь туда — ты дома. Но есть нюанс. Коридор патрулирует Главная Больничная Сестра. Марья Степановна.

Василий сглотнул. Имя заставило его покрыться холодным потом сильнее, чем перспектива кипящего масла. Главные медсестры — это особая каста. Они страшнее любого демона, потому что их власть реальна, обоснована приказами Минздрава и подкреплена знанием всех твоих слабых мест.

— А что она делает? — шепотом спросил он.

— То же, что и всегда, — ухмыльнулся Люцик. — Ловит нарушителей режима. Кто без бахил — того на живодерню. Кто в верхней одежде в кабинет — того на пересдачу анализов. Кто пытается срезать путь — тому внутривенный катетер в неудобное место без анестезии. Она

бдит, доктор. Она видит сквозь стены. И у нее свисток. От звука этого свистка у закаленных ветеранов спецназа начинается непроизвольное мочеиспускание и желание немедленно написать чистосердечное признание.

— Это произвол! — возмутился Василий. — Это превышение должностных полномочий!

— Это должностная инструкция, — отрезал демон. — Итак, выбор простой: идешь в коридор или идешь в чан с маслом? Решай быстрее, у меня табель рабочего времени закрывать.

Василий посмотрел на чан. Масло пузырилось, и в нем уже плавало что-то подозрительно похожее на человеческую печень. Потом перевел взгляд на темный проем портала. Зеленая краска стен родной больницы никогда еще не казалась ему такой желанной.

— Бахилы... — убитым голосом произнес он. — У меня хоть бахилы есть?

— А как же! — просиял бес за конторкой и швырнул в Василия комком чего-то синего и полиэтиленового. — Фирменные. Размер универсальный. Натягиваются поверх копыт... ну, то есть, обуви. Давай, шевели лапами. Смена идет.

Делать нечего. Василий дрожащими руками расправил бахилы. Они оказались на удивление качественными, плотными, с резинкой, которая намертво присосалась к щиколоткам. Он шагнул к portalу. Жар от дыхания демона обжигал спину.

— И запомни, Тимохин, — напутственно крикнул Люцик. — Главное правило выживания в нашей системе здравоохранения: никогда не спорь с сестрой-хозяйкой. Даже если она требует сдать душу на склад временного хранения. Понял?

— Понял, — буркнул Василий и шагнул в зеленый свет.

Переход был мгновенным. Оглушительный рев пламени сменился тишиной, прерываемой мерным гудением люминесцентной лампы. Запах серы уступил место знакомому до боли аромату старого линолеума, кварцевания и вареной капусты из столовой.

Василий стоял в начале длинного больничного коридора. Желтый свет ламп дневного света мигал в дальнем конце. Справа находилось окно выдачи передач, забранное толстым оргстеклом с дырочкой для общения. Слева — ряд стульев для посетителей, обитых потертым кожаным материалом.

Все было до тошноты родным. Кроме одного.

Коридор был бесконечным. Перспектива сходилась в точку где-то далеко за горизонтом физики. Сколько бы Василий ни всматривался, конца зеленым стенам видно не было.

И тут он услышал шаги. Громкие, уверенные, чеканящие шаг по кафельной плитке. Цок-цок-цок. Звук каблучков, способных дробить камни.

Шаги приближались со скоростью курьерского поезда.

Из-за поворота, которого секунду назад не существовало, вышла Она.

Марья Степановна.

Женщина-глыба. Женщина-стихийное бедствие. Лет пятидесяти пяти на вид, но возраст в данном случае измерялся не годами, а количеством сломленных судеб интернов. Халат на ней сидел как генеральский мундир. На голове — монументальная прическа «халой», залитая лаком так, что могла выдержать прямое попадание метеорита. В одной руке она сжимала папку с историями болезней, в другой — огромный латунный колокольчик, заменявший ей свисток.

Ее глаза остановились на Василии. Губы сложились в тонкую, бескровную линию.

— Та-а-ак, — протянула она голосом, от которого стыла кровь в жилах. — Новенький? Почему без халата? Почему физиономия неумытая? Почему нарушаем санитарно-эпидемиологический режим?

Василий икнул. Инстинкт самосохранения взял верх над профессиональным ступором. Он вытянулся по струнке, прижимая синие бахилы к груди.

— Товарищ главная медсестра! Докладываю! Врач-интерн... то есть, ординатор Тимохин прибыл для прохождения практики! Направлен отделом кадров Преисподней! Имею при себе полис добровольного медицинского страхования от ада!

Марья Степановна подошла вплотную. От нее пахло хозяйственным мылом, корвалолом и властью. Она взяла Василия двумя пальцами за подбородок и повернула его лицо к свету лампы.

— Полис — это хорошо, — процедила она. — А тапочки где? У нас отделение стерильное. А шапочка хирургическая? А маска? Инфекции разносят, а потом пациенты температурят!

Она отпустила его так резко, что Василий клацнул зубами.

— Марш в каптерку! — рявкнула она. — Переодеваться! Живо! Через пять минут начинается утренняя конференция. История болезни гражданина Куроцапова-Задунайского не переписана с ночи! Бегом, я сказала! Бегом!

Она указала на неприметную дверь с надписью «Сестра-хозяйка».

Василий пулей метнулся к двери, дернул ручку. Дверь открылась, обнажив темноту, пахнущую нестиранными тряпками и валерьянкой. Он обернулся, ища поддержки, но коридор за спиной уже изменился. Окно выдачи передач превратилось в бойницу крепости, а стулья для посетителей — в скамьи подсудимых.

— Закрывай дверь, сквозняк! — донеслось из глубин каптерки женским голосом, полным вековой усталости.

Василий шагнул внутрь, и тяжелая дубовая дверь захлопнулась за ним с мягким, но окончательным звуком сейфа, запирающего сокровища. Щелкнул замок.

Утро действительно изменилось. Изменилось настолько кардинально, что старый добрый аппендицит в палате номер шесть теперь казался Василию самым безопасным местом во Вселенной.

Глава 2. Падение в другой мир

Запах серы, которым закончился первый акт его внезапного путешествия во времени и пространстве, оказался лишь прелюдией к настоящей симфонии абсурда. Дверь каптерки Главной Сестры Марьи Степановны не просто захлопнулась за спиной Василия — она истаяла, растворилась в воздухе, как кусок рафинада в кипятке, оставив после себя легкое облачко озона и стойкое ощущение обмана.

Тимохин стоял посреди огромного зала. Если бы он был искусствоведом, он назвал бы этот стиль «Индустриальный Барокко на минималках». Потолок терялся где-то в клубящемся мраке, напоминая своды готического собора, который зачем-то решили переоборудовать под склад металлопроката. Вместо колонн пространство подпирали гигантские чугунные трубы, из которых периодически вырывались клубы пара с запахом дешевого портвейна и пережаренного лука. Пол был выложен красной метлахской плиткой, идеально чистой, но горячей настолько, что сквозь подошву ботинок Василий чувствовал жар преисподней.

Но главным было не это. Главным была толпа.

Василий Васильевич Тимохин проработал шесть лет в районной больнице. Он видел всякое: последствия корпоративов у скорой помощи, пациентов белой горячкой в стадии обострения и очередь в регистратуру в понедельник утром. Но такого винегрета биологических видов ему встречать не доводилось.

— Стоять! Не дышать! Равняйся! — прогремел голос, от которого у Василия заложило уши, а пломбы в зубах завибрировали на низкой частоте.

Толпа колыхнулась и замерла.

Справа от Василия стояла троица классических чертей-новобранцев. Маленькие, коренастые, покрытые жесткой рыжей шерстью, они нервно перебирали раздвоенными копытцами по раскаленной плитке. У одного из рогов торчал недокурный бычок «Беломора», второй задумчиво жевал кончик собственного хвоста. Слева возвышалась фигура ростом под два с половиной метра, закованная в сияющую, ослепительно белую броню. Из спины фигуры росли огромные лебединые крылья, которые сейчас слегка подрагивали от нетерпения. Ангел. Самый настоящий архангел, если судить по суровому выражению лица и нимбу, работающему в режиме стробоскопа.

— Смир-р-рно! — снова рявкнул командный голос.

Василий инстинктивно вытянулся по струнке. Шесть лет работы в государственной системе здравоохранения выработали в нем безусловный рефлекс на крик начальства. Рядом с ним тяжело вздохнула женщина в остроконечной шляпе, из-под которой выбивались седые космы. В руках она сжимала помело последней модели, судя по блеску углепластика рукоятки.

— Опять квартальный отчет? — прошамкала ведьма беззубым ртом, обращаясь к пустоте. — Налоги на магический выхлоп опять поднимут. А у меня радикулит, между прочим. На ступе только стоя...

— Отставить разговоры в строю! — перед шеренгой материализовался субъект.

Он был одет в полевую форму мышиного цвета, которая трещала по швам на мощной груди. Лицо субъекта имело благородный багровый оттенок, аккуратную эспаньолку и маленькие, умные глаза навывкате. Голову венчала фуражка с высокой тульей, кокарда которой изображала скрещенные вилы и змею, обвивающую чашу Гиппократов.

«Медицинская служба ада, — пронеслось в голове у Василия. — Или начпрод».

— Я ваш временно исполняющий обязанности старшего вербовщика, прапорщик Азazelло! — представился субъект. — Поздравляю вас, господа контрактники! Вы призваны для прохождения службы в рядах Ограниченного Контингента Сил Самообороны Преисподней! Родина... то есть, Геенна огненная ждет ваших подвигов!

Ангел в белом доспехе презрительно фыркнул, отчего ближайший черт едва не вспыхнул от святости выдоха.

— Мы не контрактники, рогатый, — процедил ангел, положив руку на эфес меча, светящегося ровным ультрафиолетовым светом. — Мы добровольцы Светлого Альянса. И мы требуем соблюдения Женевской конвенции относительно температурного режима казарм!

Азazelло закатил глаза так, что стали видны белки с красными прожилками.

— Рядовой Гавриил, еще одно слово о конвенциях, и я отправлю тебя чистить сортиры в Чистилище зубной щеткой! У нас тут объединенная коалиция, дубина ты стоеросовая! Приказ Верховного! Перемирие ради высшей цели! Понял?!

Гавриил побагровел (что выглядело весьма комично на фоне его белых одежд), но замолчал. Ведьма рядом с Василием перекрестилась левой рукой, бормоча что-то про порчу на урожай репы.

— Вопросы?! — рявкнул прапорщик.

Рука Василия сама собой взметнулась вверх. Это тоже был рефлекс. На утренних пятиминутках всегда спрашивали: «Вопросы есть? Нет? Свободны». Василий хотел спросить, где здесь туалет, можно ли получить освобождение от физподготовки по причине плоскостопия и почему температура пола нарушает нормы охраны труда.

— Доктор? — Азazelло прищурился, заметив нелепую фигуру в дымящемся пуховике и синих бахилах поверх зимних ботинок. — Ты кто такой, чудо? Тебя в списках нет. Ты вообще какой фракции будешь?

— Тимохин Василий Васильевич, — четко отрапортовал врач, чувствуя, как внутри просыпается привычка общаться с проверяющими из облздрави. — Травматолог-ординатор. Фракция пока нейтральная, жду решения страховой компании. Мне бы направление на работу...

Прапорщик смерил его взглядом патологоанатома, изучающего интересный экспонат.

— Травматолог? Плоть-ковыряльник? — Азazelло хмыкнул. — Ладно, запишем тебя в обоз. Будешь вправлять вывихи тем идиотам, которые споткнутся на марше. Держи предписание. Десятый легион, третья рота. Выступаем через три минуты. Время пошло!

В руки Василию сунули плотный конверт из желтой бумаги, пахнущий сургучом и жженым пергаментом.

— А оружие? — пискнул один из молодых чертей, тот самый, что жевал хвост. — Нам положено табельное! Жезлы inferнального пламени или хотя бы заточки!

— Обойдетесь! — отрезал прапорщик. — Бюджет урезан! Все средства ушли на закупку святой воды для верхних этажей! Бегом в портал, дармоеды! Война джентльменов не ждет!

Война джинов, — машинально поправил про себя Василий, пытаясь сопоставить услышанное со своим медицинским справочником. Психоз? Массовая галлюцинация? Эпидемия эрготизма?

Земля под ногами мелко задрожала. Красная плитка пошла волнами. Прямо посередине зала, там, где минуту назад висела доска объявлений с портретами лучших сотрудников месяца (среди них выделялась все та же Марья Степановна с подписью «За взятие плана по забору крови»), начал разрастаться зев портала.

Это не было похоже на красиво мерцающее окно из голливудских фильмов. Портал выглядел как огромная, гниющая язва в самой ткани реальности. Края ее сочились густой фиолетовой слизью, изнутри тянуло ледяным сквозняком, пахнущим озоном, старым ковром и дешевыми духами.

— Первая шеренга — шаг вперед! — скомандовал Азazelло. — Марш!

Черт, кутивший «Беломор», зажмурился и шагнул в слизь. Раздался громкий чавкающий звук, и парень исчез. Следом шагнул ангел Гавриил. Его сияющая броня на мгновение потускнела, соприкоснувшись с субстанцией, но он прошел насквозь, даже не поморщившись. За ними потянулась ведьма, крепко прижимающая к себе помело, словно родное дитя.

Василия подтолкнули в спину чем-то твердым. Он обернулся. Это был огромный мускулистый джинн. Классический, синий, безволосый, если не считать пышной черной бороды. Одет он был в шаровары необъятных размеров и жилетку на голое тело. На ногах — остроносые туфли с загнутыми носами. Джинн оскалил в улыбке золотые зубы.

— Чего встал, смертный? — пророкотал джинн густым басом. — Ноги отсохли? Сейчас я тебе их мигом вправлю, травматолог. Через колено.

— Не имеешь права! — огрызнулся Василий, вспомнив статью уголовного кодекса о нападении на медицинского работника. — Я неприкосновенное лицо!

— Там, откуда мы идем, доктор, лиц нет. Есть только мишени, — философски заметил джинн и мощным щелчком отправил Василия в полет прямо в центр портала.

Ощущения были такими, будто Василий пролетел сквозь работающий промышленный пылесос, забитый мокрой ватой, битым стеклом и дохлыми кошками. Пространство растягивало его атомы, выворачивало наизнанку желудок и пыталось вытащить душу через левую ноздрю. Перед глазами мелькали кадры чужой жизни: вот младенец-джин играет погремушкой

размером с метеорит; вот отряд рыцарей-паладинов марширует по радуге; вот секретарша в небесной канцелярии пьет чай, болтая ногами в облаках.

А потом падение закончилось.

Приземление оказалось неожиданно мягким. Василий упал лицом во что-то влажное, пружинящее и невероятно вонючее. Оно пахло прелой соломой, навозом и псиной.

Подняв голову, он понял, что лежит на огромной горе мешков с почтой. Только вместо писем из мешков сыпался мелкий красный песок, похожий на толченую кирпичную крошку.

Они находились в ущелье. Узком, извилистом, стены которого уходили вертикально вверх метров на пятьдесят. Стены состояли из черного обсидиана, блестящего, как антрацит. По дну ущелья текла река. Но это была не вода. Река состояла из густой, медленно текущей лавы, подсвечивающей дно ущелья адским багровым светом.

И по обе стороны этой реки стояли армии.

Слева, насколько хватало глаз, выстроились ряды чертей. Они больше не походили на тех мелких пакостников из коридора больницы. Теперь это были настоящие бойцы. Закаленные, покрытые шрамами, в тяжелой броне из неизвестного металла. Над строями реяли штандарты с изображением черепа, держащего в зубах трезубец. Впереди гарцевал на огромном черном хряке уже знакомый прапорщик Азазелло.

Справа расположились джины. Их строй поражал воображение геометрической точностью. Тысячи синих фигур стояли неподвижно, как статуи. В руках они держали кривые сабли, лезвия которых переливались всеми цветами спектра. Над их головами дрожал воздух от жара — каждый джинн источал собственное тепло, создавая над армией сплошную тепловую стену.

Между армиями оставалось расстояние в двести метров. Идеальная дистанция для начала резни.

Василий скатился с мешка и попытался встать. Ноги дрожали. Колено, которое он ушиб еще утром на тропинке, дало о себе знать тупой болью. Он похлопал себя по карманам в поисках телефона. Телефон остался дома. Вместе с ключами, полисом ОМС и здравым смыслом.

Рядом с ним приземлился джинн с золотыми зубами. Приземлился изящно, на одно колено, подняв облачко кирпичной пыли.

— Ну что, лепила, — прохрипел джинн, вытаскивая из-за пояса огромную секиру. — Готов кишки вязать? Работы сегодня будет много. Эти рогатые совсем страх потеряли, лезут на нашу территорию добычи плазмы.

— Какая плазма? — просипел Василий, отползая от края лавовой реки. Металл на сапогах начинал нагреваться. — Здесь же геологическая аномалия! Где МЧС? Где вулканологи? Почему никто не эвакуировал население?

Джинн посмотрел на него как на сумасшедшего, а затем громко расхохотался. Смех его гулким эхом отразился от стен ущелья.

— Эвакуировал?! Да мы сюда специально пришли! Сегодня День Большой Дележки! Раз в столетие Верховные заключают Договор Крови. Кто удержит Перевал Серных Ветров, тот получает право собирать налоги с семи нижних миров на следующие сто лет! Благословенный день для хирургов, верно?

— Я терапевт! — взвыл Василий. — Я таблетки выписываю! Я давление измеряю! Я не умею лечить рубленые раны от демонических тесаков!

— Научись, — равнодушно бросил джинн. — Либо научись, либо станешь донором органов для местной фауны. Кстати о птичках... Эй, Фарух! Подь сюды!

К ним подбежал молодой чертенок, видимо, вестовой. Копыта его цокали по камню быстро и испуганно.

— Слушаю, господин ибн Хоттаб!

— Бери этого белого, — джинн кивнул на Василия. — Отведи его к полковнику Бельфегору. Скажи, медик приبلудный. Просили прислать кого-нибудь потолковее, а прислали вот это. Пусть использует как хочет, лишь бы гной из моих бойцов откачивал. У них после прошлой стычки газовая гангрена началась, мрут как мухи.

Фарух схватил Василия за шиворот цепкой лапкой. Пальцы у черта оказались железными.

— Пусти, дезинфектор проклятый! — дернулся Василий. — Я буду жаловаться в профсоюз!

— Какой профсоюз, болезный? — ухмыльнулся черт, таща врача вдоль строя своих войск. — Тут единственный профсоюз — это гильдия могильщиков. Иди давай, ноги переставляй. Скоро начнется.

Василий шел, спотыкаясь, мимо рядов inferнальной пехоты. Черти провожали его взглядами. Кто-то сочувственно качал головой, кто-то крутил пальцем у виска. Один старый бес с сержантскими нашивками протянул ему самокрутку:

— Курнешь, док? Мята с дурман-травой. Успокаивает нервы перед штурмом.

Василий отмахнулся. Его профессиональный мозг лихорадочно пытался найти выход. Анатомия. Нужно изучить анатомию противника. Если он поймет, где у этих существ печень, почки и уязвимые точки нервной системы, он сможет выжить. Может быть.

— Куда вы меня тащите? — спросил он у Фаруха, когда они миновали первую линию обороны, состоявшую из огромных осадных требушетов, стреляющих горшками с кипящим дегтем.

— В штаб, — буркнул черт. — В тыл. Хотя какой тут тыл... Видишь ту башню? Черная, витая, похожа на свечу из свиного жира? Вот туда.

Башня действительно впечатляла. Она вырастала прямо из отвесной скалы, нарушая все законы физики и архитектурной устойчивости. Казалось, она держится исключительно на честном слове и силе гравитационного мазохизма.

У входа в башню дежурила охрана. Два циклопа. Одноглазые гиганты, вооруженные дубинами, сделанными из цельного ствола баобаба. Циклопы играли в карты, используя в качестве стола спину третьего циклопа, который спал сидя.

— Стой! — лениво сказал один из охранников, открыв единственный глаз. Глаз моргал вертикальным веком. — Пароль?

— Свои, Горыныч, — махнул рукой Фарух. — Новенького доктора притаранили. Для полковника.

— А-а-а, мясника привели, — понимающе протянул циклоп. — Проходи. Только скажи ему, чтобы мазь от геморроя одолжил, а то сидеть больно после вчерашнего смотра.

Они вошли внутрь. Внутри башня оказалась гораздо больше, чем снаружи. Огромный зал был превращен в полевой госпиталь.

Картина, открывшаяся глазам Василия, заставила его остановиться и глубоко вдохнуть, борясь с приступом тошноты, которую он успешно подавлял последние десять лет работы в травмпункте субботними ночами.

Здесь были все. Раненые черти стонали на носилках, сделанных из алебард. Джины, попавшие в плен, сидели в клетках из холодного железа, тихо подвывая — железо блокировало их магию, вызывая эффект жесточайшей наркотической ломки. Несколько кентавров лежали на животах, пока ветеринары-сатиры бинтовали им раздвоенные копыта. В углу группа импов пыталась пришить обратно оторванное крыло огромному горгулье, используя вместо ниток собственную паутину.

Воздух был густым. Он состоял из смеси запахов: йодоформ, кровь, паленая шерсть, болотный газ и легкий аромат французских духов. Последнее сбивало с толку больше всего.

— Сюда, — Фарух втокнул Василия в боковую дверь.

Кабинет полковника Бельфегора напоминал смесь операционной Пирогова и кабинета стоматолога в бесплатной поликлинике. Посередине стоял мраморный стол, весь в подозрительных бурых пятнах. На стенах висели схемы человеческого тела, демонского организма и инструкция по сборке штурмового арбалета.

За столом сидел человек. Обычный мужчина средних лет, в дорогом костюме-тройке, пошитом явно не на фабрике «Большевичка». Единственное, что выдавало в нем нечеловеческую природу — цвет кожи. Она была бледно-серой, цвета пепла, и абсолютно матовой, не отражающей свет ламп.

Полковник поднял глаза от бумаг. Глаза у него были желтыми, с узкими, как у козы, зрачками.

— Так, — произнес он голосом уставшего менеджера среднего звена. — Что у нас тут? Очередной призывник-дезертир? Или курьер из прачечной?

— Медик, ваше высочордие, — доложил Фарух, вытягиваясь по струнке и поедая начальника глазами. — Приблудный. Тот самый, из легенды. Которого бабка Аграфена лично спустила. Говорят, кости собирает лучше, чем Легион Нежити.

Бельфегор снял очки в тонкой золотой оправе и устало потер переносицу.

— Очередной герой, значит. Насмотрелся я на героев. Приходит вчера один паладин. Весь в белом, латы сверкают. Требуется выдать ему экзорциста. Спрашиваю: «Образование?»

Говорит: «Школа света». Отправил выгребать ямы в седьмом круге. Образование должно быть профильным, мальчик мой. У тебя какое образование?

— Высшее медицинское, — ляпнул Василий первое, что пришло в голову. — Саратовский государственный...

— Саратов? — бровь полковника удивленно поползла вверх. — Знаю. Неплохой филиал Инквизиции у них там. Диплом покажи.

Василий похлопал по внутренним карманам пуховика. Диплома не было. Была только зачетка, пенсионное удостоверение и рецепт на антибиотики широкого спектра действия, выписанный позавчера пенсионерке Сидорчук.

Он протянул зачетку.

Бельфегор надел очки, открыл коленкорovou обложку и углубился в чтение. По мере того как его желтый взгляд скользил по строчкам («Инфекционные болезни — хор.», «Фармакология — удв.», «Уход за больными — отл.»), выражение лица полковника менялось. Презрение сменилось сначала недоумением, а затем — хищным интересом.

— Хирургии нет, — констатировал полковник, закрывая книжку. — Жаль. Придется работать общей практикой. Ладно, доктор Тимохин. Времени на церемонии нет. Сверху пришел приказ. Объединенная армия начинает наступление через двадцать минут. Наша задача — взять Башню Молчания.

— Я не пойду, — твердо сказал Василий. — Я давал присягу своей стране. И эта страна — Россия. У меня ипотека. И кот некормленный.

Полковник усмехнулся. Усмешка обнажила ряд зубов, острых, как иглы.

— Россия осталась очень далеко, доктор. А кот твой, скорее всего, уже доедает твою герань. Жизнь продолжается везде. Но твоя жизнь закончится ровно через час, если ты откажешься. У нас тут дефицит кадров. Штатный лекарь четвертого батальона вчера неудачно телепортировался. Прибыл в виде двух независимых полушарий головного мозга. Печально, но факт. Так что выбора у тебя нет. Либо берешь саквояж — видишь, стоит в углу? — идешь с первой волной, либо я отдаю тебя личному составу на перевоспитание. Ребята давно свежего мяса не ели. Сырого.

Василий сглотнул. Саквояж действительно стоял в углу. Старинный, кожаный, обитый медными уголками. Такой обычно носили земские врачи конца девятнадцатого века. От саквояжа веяло надеждой и хлороформом.

— Инструменты хоть стерильные? — убитым голосом спросил Тимохин.

— Самые лучшие, — заверил полковник. — Прокаленные в священном огне. Спирта — море. Правда, технический. Пить нельзя — испаряет внутренности, но раны промывать самое то.

— А обезболивающее? — продолжал допытываться Василий, подходя к саквояжу. Профессиональный интерес постепенно вытеснял первобытный ужас.

— Есть порошок. Белый. Называется «Муки Забвения». Закидываешь пациенту в рот — и он счастлив. Даже ногу пилить не просит. Действует три минуты, потом пациент пытается отгрызть врачу голову, так что учись оперировать быстро.

Бельфегор поднялся из-за стола. Ростом он оказался выше Василия на две головы.

— Значит так, слушай боевую задачу. Твоя должность — Младший Демиург-Санитар. Ты прикомандирован к Штурмовому Кулаку. Это спецназ. Идиоты отборные, но эффективные. Командует ими капитан Люций. Он наполовину ангел, наполовину баран, характер соответствующий. Найдешь его у Южных ворот, спросишь любого, где орут громче всех.

Полковник подошел к карте, занимавшей всю стену. Карта была живой: красные и синие фишки двигались сами собой, сталкиваясь и взрываясь облачками дыма.

— Твоя зона ответственности — авангард. Когда эти дебиты полезут на стены, они начнут терять конечности. Твоя задача — не дать им истечь лимфой раньше времени. Рубишь конечность, прижигашь культю смолой, даешь порошок счастья, отправляешь обратно в бой. Если раненый тяжелый — добей. Ресурсная база важнее одной рогатой единицы. Ясно?

— Никак нет, — честно ответил Василий, защелкивая замки саквояжа. — Это противоречит моей деонтологии.

— Тогда считай это военно-полевой хирургией тысяча девятьсот сорок второго года, — жестко отрезал полковник. — Ампутация без наркоза на кухонном столе. Выбор между смертью пациента и инвалидностью. Выбирай инвалидность, солдат должен воевать. Всё, время вышло.

Раздался низкий, утробный рев. Задрожали стены башни. Звук шел снаружи — тысячи плотов одновременно издали боевой клич.

— Труба зовет, — удовлетворенно кивнул Бельфегор. — Приступ ярости накрыл войска. Фарух!

Вестовой вырос как из-под земли.

— Проводи доктора до капитана. И если потеряешь его — я из твоей шкуры барабан сделаю. Свободны.

Когда они вышли из башни, ущелье преобразилось. Армия пришла в движение. Земля дрожала от топота тысяч ног, копыт и тумбообразных конечностей троллей. Воздух наполнился скрипом кожи, лязгом металла и тяжелым сопением.

Фарух схватил Василия за рукав и буквально поволок вдоль движущейся колонны.

— Шевелись, лепила! — орал черт перекрикивая шум. — Сейчас первые бомбы полетят! Магическая артиллерия открывает сезон охоты!

Небо над ущельем, закрытое низкими скалами, внезапно стало светлеть. Багровая тьма сменилась болезненным желто-зеленым цветом. Со стороны позиций джинов вниз по ущелью катилась стена огня. Ревущий вал чистого пламени высотой с пятиэтажный дом.

— Укрытие! — пискнул Фарух, толкая Василия в какую-то воронку.

Они рухнули на дно. Жар был невыносимым. Василий почувствовал, как волосы на затылке начинают скручиваться. Волна прошла над ними, опалив верхушки скал до состояния стекла. Запахло жареной свининой и озоном.

— Артподготовка! — радостно проорал черт, вылезая из ямы. Копоть покрывала его морду причудливыми узорами. — Красота! Побежали быстрее, пока они перезаряжают кристаллы-накопители! Капитан Люций ждать не любит!

Василий выбрался из укрытия, кашляя и выплевывая пепел. Он посмотрел на свои руки. Они тряслись. Саквояж стал неподъемным.

Впереди, метрах в пятидесяти, образовался разрыв в строю. Группа самых крупных, самых бронированных чертей стояла отдельной кучей. Они не кричали. Они молча ждали. От группы отделилась высокая фигура, закованная в костяную броню. На плече фигуры сидел огромный черный ворон, который чистил клюв о наплечник хозяина.

— Это он, — выдохнул Фарух. — Капитан. Люций Мясник. Хороший мужик, только шуток не понимает. Совсем.

Ноги Василия налились свинцом. Он сделал шаг вперед. Потом еще один.

«Я просто хочу домой, — подумал он, глядя на приближающегося полукровку. — Хочу в свою ординаторскую. Хочу пить холодный чай из железной кружки. Хочу слушать, как ругается Мария Степановна...»

Капитан Люций повернул голову. Одно его лицо было правильным, красивым, с высокими скулами и ясными голубыми глазами. Второе половина представляла собой покрытую короткой белой шерстью кабанью морду с выступающими клыками. Желтыми глазами зверя он смотрел на Василия.

— Человек, — констатировал капитан. Голос его звучал странно: человеческая часть говорила баритоном, звериная — добавляла глухое рычание. — Свежий. Не пропахший грехами. Интересно.

Ворон на его плече каркнул. Словно выстрелил.

— Докладывай, — приказал Люций, не глядя на Василия. Его внимание было приковано к небу, где начали формироваться грозовые облака темно-фиолетового цвета. Из облаков били молнии, но не вниз, а вбок — в сторону позиций джинов.

— Ва... Василий Тимохин, — выдавил врач. — Врач. Прислан в ваше распоряжение для оказания первой помощи.

Люций наконец соизволил посмотреть на него полностью человеческим лицом. Взгляд был острым, оценивающим, как рентген.

— Умеешь останавливать артериальное кровотечение?

— Да.

— Умеешь извлекать инородные предметы из брюшной полости?

— Д-да. Аппендэктомию делал. Дважды.

— Хорошо. А стрелу из сердца достать сможешь? Пока сердце еще бьется, разумеется. Чтобы воин не потерял сознание от остановки кровотока.

Василий открыл рот. Закрыл. Открыл снова.

— Теоретически... если зажим наложить на предсердия... и делать прямой массаж...

— Отлично, — прервал его капитан. — Береги силы. Они тебе понадобятся.

Он развернулся к своему взводу. Штурмовой Кулак представлял собой устрашающее зрелище. Ни одного молодого или слабого. Сплошь ветераны, покрытые шрамами, ритуальными татуировками и запекшейся кровью разных оттенков.

— Братья! — рявкнул Люций, и его голос перекрыл даже нарастающий гул новой волны огня, катящейся сверху. — Нам обещали славу! Нам обещали трофеи! Но главное — нам обещали, что медики будут! Наш новый друг доказал, что умеет держать скальпель. Значит, умереть сегодня смогут не все! Некоторые успеют помучиться в госпиталях! Во имя Нижнего мира — шагом марш!

Черти двинулись вперед. Ровным, тяжелым бегом. Василий, сам того не осознавая, побежал вместе с ними. Саквояж бил его по ноге. Сердце бухало где-то в горле.

Стены ущелья внезапно кончились. Они выбежали на огромное плато. Впереди, в километре от них, возвышалась Башня Молчания — колоссальное сооружение из черного льда, окруженное рвом, наполненным кислотой.

А навстречу им, сверкая сталью и магией, бежала синяя волна. Армия джинов перешла в контратаку.

Две массы живого мяса столкнулись посредине плато. Звук удара тысяч тел был подобен грому.

Василия сбили с ног. Он упал, потеряв ориентацию. Над головой пронеслись чьи-то когтистые лапы. Справа взорвался файербол, обдав жаром. Слева чей-то клинок с хрустом вошел в грудь тролля. Троль взревел и разможил голову обидчику ударом дубины.

Тимохин перевернулся на живот, пряча голову под руками. Мир вокруг превратился в сюрреалистическую картину художника-мизантропа.

— Встать, доктор! — чья-то рука сгребла его за шиворот и поставила на ноги. Это был Фарух. Морда черта была рассечена, из раны текла зеленая кровь. — Живой? Работай! Вон там, за камнем! Двухсотые и трехсотые!

Фарух толкнул его в сторону большого гранитного валуна, за которым скопились раненые.

Василий сделал несколько неуверенных шагов. Перед глазами все плыло.

«Этого не может быть, — пульсировала единственная рациональная мысль. — Я просто ударился головой на льду. Я в коме. Сейчас придет анестезиолог Витя, хлопнет меня по щекам, и я очнусь в реанимации...»

Он обогнул валун и замер.

На земле сидел молодой черт. Ему было лет восемнадцать по человеческим меркам. Левая рука отсутствовала по плечо. Из культи толчками была черная кровь.

Черт не кричал. Он смотрел на свою культю с детским любопытством.

— Доктор... — прохрипел он, увидев белый халат (который чудом сохранился под пуховиком). — Красиво течет, да? Как нефть...

Василий упал на колени рядом с ним. Руки действовали сами. Саквояж открылся. Скальпель, зажимы, кетгут.

— Зажим! — скомандовал он мертвому воздуху. — Быстро зажим на артерию! Огонь есть?! Чем прижигать?!

Черт протянул ему свой собственный факел, который каким-то чудом продолжал гореть в левой руке.

— Будет больно, — предупредил Василий, перехватывая факел.

— Режь, — спокойно ответил черт. — Только руку не потеряй. Она мне еще пригодится подписать контракт.

Тимохин занес скальпель. Лезвие блеснуло в свете адского пламени.

Его первое дежурство в новом мире началось.

Глава 3. Первый пациент

Запах горелой шерсти, озона и дешевого самогона висел в воздухе лагеря плотным, осязаемым туманом. Василий Васильевич Тимохин сидел на перевернутом ящике из-под снарядов, которые здесь почему-то назывались «слезами грешников», и пытался унять дрожь в пальцах.

Прошло уже четыре часа с момента столкновения двух армий на плато. Штурмовой Кулак капитана Люция задачу выполнил: они пробили брешь в рядах джинов, закрепились на окраине кислотного рва и теперь методично отбивали контратаки синих демонов, пока основные силы чертей перегруппировывались позади них.

Плато превратилось в филиал мясокомбината под открытым небом. Но самым страшным для Василия был не вид оторванных конечностей и не запах паленого мяса. Самым страшным была тишина. Раненые черты не стонали. Они матерились. Громко, изобретательно, обсуждая тактические просчеты командования, курс обмена душ на рубероид и качество местной кормежки. Ни один мускул на их мордах не выдавал боли, даже когда им отпиливали раздробленные копыта.

— Доктор, — прохрипели сбоку. — У меня там эта... как ее... мениск вылетел. Вста-
вишь?

Василий повернул голову. Рядом с ним на земле полулежал огромный тролль, придавивший собственным телом молодого беса-ординарца. Тролль задумчиво ковырял пальцем дыру в своей грудной клетке, откуда при каждом вздохе со свистом выходил воздух.

— Я травматолог, а не массажист! — огрызнулся Василий, продолжая туго бинтовать культю тому самому юноше-чертенку, которому полчаса назад пришлось делать ампутацию руки по самое плечо. Парень (если это можно было назвать парнем) вел себя стоически: он лишь морщился, когда раскаленное железо касалось сосудов, и просил прикурить от факела. — Иди к полковнику Бельфегору, пусть пришлют некроманта-протезиста. Следующий!

Очередь из раненых, змеившаяся между палатками из грубого сукна, колыхнулась. К Василию потащили минотавра с распоротыми рогами. Работа поглотила его полностью. За эти часы он узнал об анатомии адских существ больше, чем за шесть лет ординатуры. Оказалось, что печень у импов светится в темноте, сердце циклопа находится в районе поясницы, а кровь джиннов является отличным антисептиком, если успеть собрать ее до того, как она испарится.

Закончив с минотавром — вправив ему вывихнутую нижнюю челюсть ударом кулака (метод грубый, но эффективный), — Василий позволил себе глотнуть из фляги. Во фляге булькал технический спирт, разведенный болотной водой. Гадость была редкостная, зато мысли становились четкими, а трясучка проходила.

Он огляделся. Лагерь расположился в неглубоком кратере, стены которого давали хоть какую-то защиту от магических снарядов. Повсюду горели костры, над которыми на вертелах жарилось мясо каких-то чешуйчатых тварей. Черты сидели группами, чистили оружие, играли в кости, используя вместо стола спину спящего гоблина.

И тут взгляд Василия зацепился за аномалию.

В тени огромного валуна, метрах в двадцати от основного скопления войск, неподвижно сидел крупный черт. Даже отсюда было видно, что он огромен — почти два метра ростом, широченные плечи, бугрящиеся мышцами лапы. На таких обычно вешают тяжелую пехоту или вышибал в элитных казино Преисподней. Он был облачен в кожаный доспех, прошитый стальной проволокой.

Аномалия заключалась в позе. Черт сидел прямо, положив левую ногу поперек правой, словно отдыхающий дачник. Но левая нога была вывернута наружу под углом, который природа явно не предусматривала. Стопа смотрела ровно на двенадцать часов, в то время как колено указывало на пять вечера. Закрытый перелом обеих костей голени со смещением. Классика жанра.

Но черт не звал лекаря. Он просто смотрел на свою ступню с выражением глубокой философской скорби. Время от времени он тяжело вздыхал, и из ноздрей валил густой черный дым.

Профессиональный долг ударил Василия под дых сильнее, чем прапорщик Азazelло утром. Врач внутри него взвыл от такого вопиющего пренебрежения первой помощью. Открытый перелом чреват шоком и инфекцией, закрытый со смещением — жировой эмболией и инвалидностью. А этот бугай сидит и пускает дым.

Тимохин поднялся. Ноги затекли и плохо слушались. Он перехватил свой саквояж поудобнее и решительно направился к камню.

— Эй, боец! — крикнул он, подойдя ближе. — Боевой устав читал? При ранении конечности положено подавать сигнал медико-санитарному инструктору! Ты чего расселся, как памятник неизвестному идиоту?!

Черт медленно поднял голову. Лицо его было покрыто слоем копоти, из которой хищно блестели желтые глаза с вертикальными зрачками. Одно ухо отсутствовало напрочь, срезанное начисто. Вместо него красовался неровный розовый шрам.

— Сигнал, говоришь? — голос у черта оказался неожиданно тихим и хриплым, похожим на скрежет наждака по стеклу. — Чем мне сигналить, доктор? Флажком махать? Так обе руки целы, только вот встать я не могу. Земля больно горячая, а вторая нога тоже болит, сочувствия просит.

— Как зовут? — спросил Василий, присаживаясь на корточки перед пациентом. Профессиональная отстраненность начала брать свое.

— Грым, — буркнул черт. — Десятая штурмовая. Сапер. Был.

— Почему «был»? — уточнил Василий, ловким движением пальцев ощупывая лодыжку пациента. Черт дернулся, но сдержал рычание. Только когти впились в землю.

— Потому что сапер без ноги — это просто кусок мяса, который долго гниет, — философски заметил Грым. — Спасибо, не дави так. Там кость острая, ты ей сейчас мне вену порежешь. Хотя... какая разница. Все равно списывать пора.

Василий проигнорировал приступ ипохондрии. Диагноз подтвердился. Перелом сложный, кость порвала кожу изнутри, но снаружи разрыва пока нет. Кровопотеря умеренная, шок средней тяжести. Если не вправить сейчас, пока мышцы не закалились окончательно, калекой останется навсегда. А в этом мире инвалидов утилизируют быстро.

— Значит так, Грым, — сказал Василий, открывая саквояж. — Будем лечить. Процесс неприятный. Будет очень больно. Орать можно, плакать нельзя — авторитет потеряешь. Плакать буду я, потому что анестезии у меня нет, есть только самогон, от которого слепнут ежи.

Грым покосился на доктора сверху вниз. Несмотря на то что черт сидел, а врач стоял на коленях, ощущение превосходства исходило именно от Грыма.

— Ты человек, — констатировал сапер. — Мелкий, белый, пахнешь страхом и карболкой. Зачем тебе это? Мы же враги твоего вида. Нас учат людей на части разбирать, а не собирать.

— У меня ипотека в Саратове, — честно ответил Василий, доставая моток жесткой веревки и две деревяшки. — Мне нужно подтверждение квалификации, чтобы получить премию. А премия нужна, чтобы купить новый чайник. Старый сгорел синим пламенем еще до вашего вторжения. Так что мы с тобой временно коллеги по несчастью. Рот открой.

Пока Грым соображал, зачем открывать рот, Василий ловко всунул ему между зубов свернутый в трубку кусок кожи.

— Чтобы язык не откусил, — пояснил врач. — И не пугай новобранцев своим профилем. Им еще сегодня в атаку идти.

Методика лечения закрытых переломов со смещением проста и жестока, как приказ Петра Игнатьевича о дежурстве в новогоднюю ночь. Нужно вытянуть конечность по оси, преодолев спазм мышц, и вернуть обломки кости в правильное положение.

— Держись, — выдохнул Василий. — На счет три. Раз...

Он уперся коленом в бедро черта, руками схватился за стопу, которая торчала под неестественным углом, и мысленно перекрестился.

— Два...

Грым зажмурил единственный целый глаз. Второй скрывала старая повязка.

— Три!

ХРУСТ.

Звук был таким громким и сочным, что ближайший гоблин-интендант подавился куском жареной крысы.

Стопа с влажным щелчком встала на место. Черт выгнулся дугой, вены на шее вздулись, превратившись в черные канаты. Из единственного глаза брызнули слезы — густые, смолистые, оставляющие черные дорожки на щеках. Деревянный кляп во рту заглушил рев, который, наверное, распугал всех падалыщиков в радиусе километра.

Василий не дал ему опомниться. Пока мышцы были расслаблены после болевого шока, он действовал стремительно. Сноровка, выработанная годами работы в травмпункте, где каждая секунда промедления грозила смертью от кровопотери, взяла свое.

Одной рукой он удерживал голень, второй — двумя резкими, точными движениями сопоставил края сломанной большеберцовой кости. Еще один щелчок, менее громкий — малая берцовая встала на место.

— Терпи, родной, — приговаривал Василий, чувствуя, как по спине течет холодный пот. — Сейчас будет вороток. Потерпи, говорю. Скоро полегчает. Сначала боль станет невыносимой, потом начнет пульсировать, а потом придет благословенное равнодушие...

Он наложил две деревянные шины вдоль голени, плотно примотав их веревками. Затем достал флакон с мутной жидкостью — трофейный раствор спирта с какими-то местными травами, пахнувшими мазутом.

— Это наружно, — предупредил Василий, щедро поливая конструкцию. — Для дезинфекции. И чтоб дерево не гнило.

Грым тяжело дышал через нос. Кляп он выплюнул самостоятельно и теперь тяжело сглатывал вязкую слюну. Его огромная лапа внезапно метнулась вперед и сгребла Василия за грудки.

Когти вонзились в ткань пуховика, но кожу не прорвали. Черт приподнял врача и притянул к своему лицу. Желтый глаз находился в десяти сантиметрах от носа Василия.

— Ты... — прохрипел Грым. Дым из ноздрей опалил брови Тимохину. — Ты либо святой, либо самый большой псих, которого я видел за двести лет службы. Люди обычно при виде нас штаны пачкают и бегут. Или молятся. Ты мою ногу ломал пополам, как сухую ветку, и рассказывал про ипотеку.

— Поставь на место, — спокойно сказал Василий, глядя в желтый зрачок. — У тебя артериальное давление сейчас скачет. Если лопнет сосуд в мозгу, я ничем помочь не смогу, у меня сверла для трепанации черепа нет. Только ножовка по металлу.

Грым моргнул. Мышцы предплечья дрогнули, и Василий мешком свалился обратно на камни, чудом не приложившись затылком.

— Смешной, — впервые за все время губы черта дрогнули в подобии улыбки, обнажив клыки. — Смелый. И рука твердая. Знаешь, док, большинство наших коновалов лечат радикулит гильотиной. А ты... ты работаешь чисто. Где учился?

— Земные медицинские академии, — буркнул Василий, растирая запястье. Рука занемела. — Специализация — травмы мирного и военного времени. Теперь вставай. Медленно. Вес переноси на пятку. Шины должны держать, но узлы могут ослабнуть.

Грым недоверчиво посмотрел на забинтованную ногу. Затем осторожно перенес вес. Лицо его исказилось, но он устоял.

— Держит, — удивленно протянул он. — Стоит. Не шатается. Док, ты понимаешь, что ты сейчас сделал? Ты поставил на ноги ветерана десятой штурмовой. Меня трижды латали армейские лекари. Один предлагал заменить ногу протезом из зачарованного дуба. Другой хотел залить всё жидким железом. Ты первый, кто собрал её обратно из моих же запчастей.

— Дуб дает усадку, — машинально ответил Василий, собирая разбросанный инструмент в саквояж. — Железо вызывает термический ожог костной ткани и остеомиелит. Читайте труды Пирогова, невежды. Всё, свободен. Иди к интенданту, требуй усиленный паек. Тебе нужны белки и кальций для сращения. Мясо ешь сырым, там ферментов больше.

Грым остался стоять, опираясь на здоровую ногу. Он смотрел на Василия сверху вниз, и в его взгляде смешивались уважение, недоумение и какой-то совершенно новый, непонятный врачу расчет.

— Белки, значит, — повторил он. — Кальций. Запомнил. Скажи, док... а грыжу вправлять умеешь?

— Умею, — кивнул Василий, застегивая замок саквояжа. — Но сначала рентген. Без снимка в брюхо лезть не буду, мало ли что вы там прячете. Сердце слева или справа?

— Посередине, — фыркнул Грым. — Ладно, живи пока. Пойду проверю твои слова насчет паяка. Если обманул — найду и вторую ногу сломаю. Для симметрии.

Сапер развернулся и, заметно прихрамывая, но вполне уверенно двинулся в сторону котлов, где варилось какое-то варево подозрительно фиолетового цвета.

Василий проводил его взглядом, перевел дух и только сейчас понял, что вокруг стало тихо.

Та самая очередь раненых, которая минуту назад шумела и переругивалась, исчезла. Остался только пустырь, освещенный светом костров. А затем этот пустырь начал заполняться фигурами.

Они выходили из темноты медленно. Впереди шел капитан Люций. Его кабанья половина лица нервно подергивалась, что являлось признаком крайнего изумления. Рядом с ним семенил Фарух, держа в руках планшет из дубленой кожи. Слева возвышался полковник Бельфегор. Серая кожа полковника казалась еще более бледной в свете огня.

За ними полукругом стояли командиры подразделений. Демоны, ифриты, пара высших вампиров и даже один крайне недовольный энт, чьи ветки были обмотаны маскировочной сетью.

Все они смотрели на Василия.

Тимохин почувствовал, как желудок совершил попытку спрятаться в области таза. Сак-вож вдруг стал невероятно тяжелым.

— Интересное кино, — произнес Люций, останавливаясь в трех шагах от врача. Кабаний клык опасно поблескивал в свете пламени. — Мой личный состав отказывается идти в санчасть. Причина отказа: «Мыждемся Доктора». С большой буквы Д. Говорят, что штатные маги-целители работают слишком громко и отрывают лишние детали. А Доктор работает тихо, вежливо матом кроет и возвращает запчасти на место. Это правда, смертный?

Василий встал навтыжку. Рефлексы снова сработали быстрее мозга.

— Товарищ капитан! За время моего дежурства оказана помощь семнадцати военнослужащим. Ампутация одна, репозиция костей — одна, вправление челюсти — три случая, обработка ожогов — восемь. Летальных исходов нет. Боеприпасы не расходовал.

Полковник Бельфегор вышел чуть вперед. Он двигался плавно, абсолютно бесшумно, несмотря на свои габариты.

— Семнадцать бойцов вернулись в строй, — проговорил он, рассматривая Василия, как редкое насекомое. — Среди них Грым. Лучший сапер Легиона. У него контракт заканчивается через неделю. По прогнозам армейских предсказателей, он должен был уйти на гражданку полным инвалидом, сосущим ману через трубочку. Теперь он завтра сможет минировать подходы.

Бельфегор помолчал, постукивая длинными пальцами по рукояти меча.

— Эффективность вашей работы, доктор, составляет примерно четыреста процентов по сравнению со стандартным лазаретом. Вы экономите нам деньги. Больничные листы, пенсии по инвалидности, компенсации семьям... Экономика должна быть экономной, верно?

— Я просто делаю свою работу, — пожал плечами Василий. Спина уже начинала ныть от напряжения. — Гиппократу, знаете ли, плевать, кому принадлежит душа пациента. Главное — целостность кожных покровов и сохранение трудоспособности.

Люций издал странный звук, средний между кашлем и рычанием.

— Трудоспособности... Надо будет записать. Фарух, внеси в протокол. Значит так, доктор. Отныне ваше звание меняется. Вы больше не младший санитар обозной роты.

Капитан обернулся к своим офицерам:

— Позвольте представить. Старший Полевой Консультант по Биомеханике Объединенной Коалиции. Прямое подчинение штабу. Бронь от передовой. Почти полная.

— Почти? — насторожился Василий.

— Ну, если начнется совсем уж большая заварушка, придется выйти, — добродушно оскалился Грым, незаметно появившийся за спиной начальства с огромным мослом в руке. Он с аппетитом его обгладывал. — Кто ж кроме тебя мою вторую ногу чинить будет, если что? Протеза из дуба я боюсь до сих пор.

Фарух подбежал к Василию с планшетом.

— Распишитесь здесь, доктор. Приказ о назначении. Оклад тройной, плюс надбавка за вредность. Вредность у нас высшая категория — вас могут съесть заживо минимум три раза за смену.

Василий взял предложенное перо. Оно оказалось когтем гарпии, остро заточенным и залитым чернилами.

— А отпуск полагается? — спросил он, подписывая документ витиеватым росчерком. — Желательно земной. Хотя на недельку. Чайник починить надо.

В строю офицеров прошелестел шепоток. Впервые за столетия наблюдений люди слышали, как смеются демоны высшего ранга. Смеялись беззвучно, содрогаясь плечами, отчего броня издавала тихий гул, а земля под ногами мелко вибрировала.

— Две недели, — выдавил сквозь смех Бельфегор. — Раз в столетие. Плюс бесплатный портал туда-обратно. Идет?

— И новые бахилы, — нагло добавил Василий. — Эти совсем износились.

— Наглец, — с явным одобрением произнес Люций. — Такие дольше живут. Фарух, обеспечь господина консультанта новыми галошами и выдели отдельную палатку. И поставь охрану. Если с головы этого человека упадет хоть волос, я лично сделаю так, что виновный родится заново в теле слизняка. Всем ясно?

— Так точно! — рявкнула толпа командиров.

— Свободны, — бросил полковник. — Продолжайте патрулирование. Грым, проводи доктора до жилья. Проследи, чтобы его накормили. И принеси ему мои личные запасы настойки на слезах девственниц. Отлично снимает стресс. Правда, после третьей кружки начинают мерещиться аудиторы, но это мелочи.

Когда высокие чины разошлись, оставляя после себя запах серы и дорогой кожи, Грым хлопнул Василия по плечу. Удар получился такой силы, что врач едва не клюнул носом собственный саквояж.

— Добро пожаловать в спецназ, лепила, — ухмыльнулся черт. — Хорошая у тебя ипотека, раз ты ради нее собственную жизнь в нашем гадюшнике устроил. Пойдем, покажу, где тут выдают лучший паек. За такую ногу ты заслужил целого пещерного быка. Сырого.

Василий вздохнул, поправил съехавший набок колпак (который он нашел в повозке мародеров взамен потерянной шапки) и поплелся следом за хромящим сапером.

Где-то далеко, за стенами кратера, вновь загрохотало. Война джинов и чертей продолжалась. Но у Василия Васильевича Тимохина теперь было свое место в этой пищевой цепочке. Место важное, теплое и снабжаемое пайком.

Главное — не забывать мыть руки перед едой и требовать флюорографию у личного состава. Дисциплина прежде всего.

Глава 4. Назначение и отправление

Запах паленой шерсти, кислого вина и несбывшихся надежд висел в штабной палатке полковника Бельфегора густым маревом. Василий Васильевич Тимохин сидел на походном табурете, который жалобно скрипел под его весом, и смотрел на карту Объединенных Королевств. Карта была нарисована на коже василиска, отчего очертания континента постоянно менялись: то вытягивались в змею, то сворачивались клубком.

Прошла неделя с того дня, как он вправил ногу саперу Грыму. Эта неделя изменила статус Василия круче, чем получение красного диплома. Из «мяса», которое можно пустить на корм пещерным троллям, он превратился в стратегический ресурс.

— Повторяю еще раз для тех, кто плохо слышит из-за земного образования, — полковник Бельфегор навис над столом, уперев серые кулаки в разложенный пергамент. Его желтые глаза не мигали. — Король Лудомур Светлый. Владыка Верхних Болот и Нижних Трясинин. Официальный союзник Преисподней по Договору Крови. Проблема: хроническая язва голени. Длится триста лет.

Василий зевнул, прикрыв рот ладонью. Организм, привыкший к суточным дежурствам, отказывался понимать местный распорядок дня, где ночь длилась сорок часов, а рассвет приносил кислотный дождь вместо кофе.

— Триста лет? — переспросил он. — Полковник, это же трофическая язва. Там уже нет сосудов. Там некроз. Там мухи откладывают личинок просто ради эстетического удовольствия. Почему вы не пришлете туда обычного экзорциста? Или батюшку с кадилом? Зачем вам я?

— Потому что экзорцистов он выгнал, — вступил в разговор капитан Люций, стоявший у входа. Кабанья половина его лица дергалась от раздражения. — Святой отец пытался окропить королевскую ногу святой водой. Нога обиделась и попыталась отгрызть святому отцу бороду вместе с кадыком. А кадило... Кадило король съел. Сказал, что внутри приятно звенит во время молитвы. Он псих, док. Абсолютный, законченный псих. Но он наш псих. И если его нога сгниет окончательно, договор рухнет, джины перейдут границу, и нам придется воевать на два фронта. А мы только-только закупили новые катапульти.

Бельфегор щелкнул когтистыми пальцами. Бес-секретарь Фарух, сидевший в углу со сче- тами, вздрогнул и протянул Василию свиток, перевязанный черной лентой с сургучной печатью размером с блюдце.

— Это ваш верительный грамота, — сказал полковник. — Вы назначаетесь Главным Придворным Целителем Короны. Оклад увеличивается вдвое. Плюс полевые. Плюс премия за вредность — десять процентов. Вредность там такая, что наши интенданты плачут горячими слезами, когда везут ему провизию.

— Я не могу быть придворным целителем, — возмутился Василий. — У меня категория допуска только до гнойной хирургии! Мне нужна аккредитация Министерства Магии!

— Министерство Магии прислало ноту протеста три века назад и больше не отвечает на письма, — отрезал Бельфегор. — Аккредитацию я тебе выписываю сам. Вот, держи. Печать кровью смазана, все чин по чину.

Он бросил на стол бронзовый диск на цепочке. На диске был изображен череп, грызущий стетоскоп.

— А теперь слушай вводную, доктор, — голос полковника стал жестким, как наждачная бумага. — Дорога одна. Через Мертвый Лес, потом через Серые Пустоши, переправа через Реку Забвения на пароме Харона. Харон нынче берет натурой — шутками. Так что готовь репертуар, Петросян ты наш inferнальный. Дальше — Топкие Болота. Там живет твоя охрана.

— Охрана? — оживился Василий. — Грым едет со мной?

— Грым нужен здесь, — поморщился Люций. — Он сейчас учит молодых чертей правильно отрывать ноги врагу. Без тебя справимся. С тобой поедет Фея.

В палатке повисла тишина. Было слышно, как снаружи какой-то мелкий бес пытается продать другому душу за сушеный хвост ящерицы.

— Фея? — медленно повторил Василий, глядя на капитана. — Цветочная? С крылышками? Которая исполняет желания и посылает всех пылью?

Люций скривился так, будто съел лимон, политый уксусом.

— Хуже. Много хуже. Позвать?

Не дожидаясь ответа, капитан высунулся из палатки и рявкнул:

— Эй, Сплюшка! Заводи пациента!

Шум снаружи усилился. Послышался звук глухого удара, ругань басом и мелодичный, но крайне ядовитый смех. Через секунду полог палатки распахнулся, и внутрь буквально внесли фею.

Она выглядела как насмешка над всеми сказками мира. Ростом чуть выше метра, облаченная в кожаный доспех гвардейского образца, заляпанный грязью и подозрительными пятнами. За спиной — огромные крылья, похожие на крылья гигантской летучей мыши, покрытые жесткой бурой шерстью. Лицо было красивым, даже аристократичным, если бы не вертикальные зрачки и набор мелких, острых зубов, которые она демонстрировала при каждой улыбке. В руках фея сжимала огромную дубину, окованную железом.

Двое плечистых огров-носильщиков аккуратно опустили ее на пол. Один из них тут же схватился за ушибленную голову.

— Осторожнее, плесень болотная! — пискнула фея, топнув ножкой обутой в тяжелый ботинок. — У меня вестибулярный аппарат нежный! Если бы вы мне хребет сломали, кто бы этого смертного до дворца довел?!

— Сама напросилась, Сплюшка, — пробасил огр. — Кто кричал «дайте мне разбег»?

— Я репетировала драматическое появление! — огрызнулась фея и повернулась к Василию.

Ее взгляд прошелся по нему сверху вниз, задержался на дымящихся дырках на коленях его джинсов (наследие первого портала) и остановился на лице.

— Ну здравствуй, консерва. Меня зовут Аспергилла фон Тромбус, для друзей — Сплюшка. Для врагов — Последний Кошмар. Будешь хорошо себя вести — разрешу называть меня «Ваше Высочество».

— Василий, — выдавил Тимохин, чувствуя, как волосы на затылке пытаются встать дыбом, но мешают слои копоти. — Травматолог.

— Знаю, — фея обошла его кругом, цокая языком. — Читал твою характеристику. «Склонен к цинизму, паническим атакам и неуместному гуманизму». Идеальный кандидат для поездки к Лудомуру. Старый маразматик любит ломать кости своим гостям. Обычно после третьей чашки чая.

— Аспергилла — лучший проводник по Топям, — сухо пояснил Бельфегор. — Она знает каждую кочку. К тому же, она единственная фея в нашем секторе, которую не тошнит от запаха серы. Контракт с ней подписан лично Верховным. Ты обязан ее слушать. Понял?

— А если не послушаю? — поинтересовался Василий.

Аспергилла оскалилась. Между мелкими зубчиками проскочила искра.

— Тогда я попрошу своих маленьких крылатых друзей принести тебе подарок. Говорят, кишечные паразиты очень способствуют похудению. Особенно те, что светятся в темноте и поют йодль по ночам. Ферштейн?

— Ферштейн, — вздохнул Василий. — Когда выдвигаемся?

Сбор снаряжения занял еще два часа. Фарух носился по лагерю, собирая тюки. Василию выдали новый саквояж — зачарованный. Внутри него пространство было расширено магией, так что туда поместилось пятьдесят килограммов медикаментов, включая запас спирта на год вперед, складная койка и портативный примус.

Снаружи их ждал транспорт. Транспортное средство называлось «Гроза Степей». На деле это была здоровенная костлявая кляча неопределенного цвета, которая жевала собственную сбрую. Судя по запаху, конь давно умер, но профсоюз мертвецов запрещал администрации увольнять его без выходного пособия.

Рядом с конем переминались с ноги на ногу трое сопровождающих. Два огра, которых Василий видел ранее, и один мелкий гoblin верхом на огромном барсуке.

— Знакомься, — сказала Сплюшка, взлетая в воздух и зависая на уровне глаз Василия. Крылья издавали низкое, вибрирующее гудение, похожее на работу старого холодильника. — Это Мусор, — кивок в сторону гоблина. — Наш специалист по ловушкам и кражам. Если где-то есть закрытая дверь или спрятанный кошелек — Мусор найдет способ сделать ситуацию хуже.

Мусор спрыгнул с барсука, поклонился, едва не коснувшись лбом земли, и быстро сунул руку в карман Василия. Тот рефлексивно ударил по руке локтем. Что-то звонко брякнуло о землю.

— Ай-яй-яй, какая грубость, — пропищал гoblin, поднимая медную пуговицу. — Сразу видно культурного человека. Интеллигент.

— Это Гром и Тром, — продолжила фея, указывая на огров. Братья были похожи как две капли воды, если бы эти капли весили по триста килограмм каждая и имели интеллект переспелой тыквы. — Они отвечают за тяжелую атлетику. Если нужно передвинуть валун, убить дракона или просто постоять и посмотреть страшными глазами — это к ним. Только не проси их считать дальше десяти. У них от математики начинаются судороги.

Огры синхронно кивнули и пророкотали:

— Еда будет?

— Будет, если поймает, — отрезала Сплюшка. — Итак, план такой. Мы едем через Мертвый Лес. Там красиво, тихо, деревья кусаются. Потом Пустоши. Там жарко, песок ест обувь. Потом Болота. Там мокро, комары размером с собаку, и живут мои родственники. Родственники у меня склочные, людоеды. Так что старайтесь не улыбаться им слишком широко, они принимают это за агрессию.

— Обнадеживает, — буркнул Василий, проверяя пряжки на седле. Седло тоже было мертвым и холодным на ощупь.

— Вопросы есть? — спросила фея, поправляя дубину за спиной.

— Есть, — поднял руку Василий. — Как лечить короля, если он попытается насадить меня на свой скипетр? И второе: почему у вашего коня растет лишайник на спине?

— Конь — экологичный продукт, — парировала Сплюшка. — Не нравится — иди пешком. А короля лечи снотворным. Чем крепче спит пациент, тем дольше жив врач. Погнали!

Первые сутки пути прошли относительно спокойно, если не считать попытки коня сожрать рукав Василия и философских бесед Мусора о несправедливости налогообложения загробных душ.

Мертвый Лес встретил их запахом формалина и хвои. Деревья здесь действительно были мертвыми — черные стволы без коры, ветви напоминали скрюченные артритом пальцы. Листва имела трупно-синий оттенок.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.